

Литература

1. *Бартольд В.В.* Ислам. Предисловие // *Бартольд В.В.* Сочинения. – М., 1966. – Т. VI.
2. *Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. 600–1258. – М., 1986.
3. *Грязневич П.А.* Ислам и государство (к истории государственно-политической идеологии раннего ислама) // Ислам. Религия, общество, государство. – М., 1984.
4. *Кямилев С.Х.* К интерпретации коранических терминов *кыст* и *адль* // Социально-политические представления в исламе. История и современность. – М., 1987.
5. *Сагадеев А.В.* Знание и познавательное отношение к действительности в средневековой мусульманской культуре. Предисловие // *Розентал Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе – М., 1978.
6. *Барковская Е.Ю.* Современное государство и традиции культуры управления в исламе: монография. – М.: Изд-во РАГС, 2008.
7. *Смирнов А.В.* Культура и рациональность // Вопросы философии. – 2007. – № 1.
8. *Керимов Г.М.* Учение ислама о государстве // Мировой опыт государственно-церковных отношений. – М., 1998.
9. *Пиотровский М.Б.* Пророческое движение в Аравии VII в. // Ислам. Религия, общество, государство. – М., 1984.
10. *Пиотровский М.Б.* Светское и духовное в теории и практике средневекового ислама // Ислам. Религия, общество, государство. – М., 1984.
11. *Аббас аль-Джирари.* Ответственность в исламе // Хасанийские чтения в священный месяц рамадан: пер. с араб. – М., 1996.
12. *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее Средневековье. – М., 1965.

Поступила в редакцию 20 марта 2013 г.

ИСЛАМ И ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.3

М.А. Гусейнов

Советская власть и религия: борьба с исламскими ценностями через литературу

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; ta-lik60@list.ru

В статье рассматриваются антиклерикальная проблематика дагестанской литературы периода социалистического строительства 1920–1930-х годов, ее истоки, содержание, формы воплощения, тенденции развития. Отдельные пласты творчества дагестанских авторов служат показателем того, что художественная словесность, направлявшаяся решениями, постановлениями государственных и партийных органов в определенное русло, стала выполнять идеологические функции. В этом контексте литература удачно использовалась как средство борьбы с чуждыми социалистической идее явлениями, в частности с религией, духовенством.

Ключевые слова: *советская власть и религия, литературное наследие и современность, исламские ценности, новое прочтение.*

In the article examined anticlerical range of problems Dagestan, concretely кумыкской, literatures of period of socialist construction, 1920–1930th, her sources, maintenance, forms of embodiment, progress trend. The separate layers of work of the Dagestan authors serve as an index that the artistic literature, directed by decisions, decisions of public, party organs in a certain river – bed, began to execute ideological functions. In this context literature was successfully used as means of fight against the alien to the socialistic idea phenomena, in particular by religion, clergy.

Keywords: *soviet power and religion, a literary heritage and the present, islamie values, new perusal.*

История дагестанской литературы характеризуется рядом значительных этапов. К их числу относятся и литература периода социалистического строительства 1920–1930-х годов. Беспрецедентные перемены социального, политического характера, построение первого в мире социалистического государства отразились на всех сторонах человеческой жизнедеятельности, в т. ч. на литературном творчестве.

Следует отметить, что Советская власть придавала особое значение словесному искусству в пропаганде социалистических идей, в утверждении основ нового строя, в воспитании нового человека. Решениями съездов и иных партийных форумов определялись направления, тенденции, идейные, проблемно-тематические параметры словесной культуры. Идео-

логическая составляющая, таким образом, заняла доминирующие позиции в советской литературе.

При всей неоднозначности ситуации тех лет, вследствие которой литературное наследие 1920–1930-х годов ныне воспринимается в большей мере критически, в этот период наблюдаются прогрессивные явления, в частности существенное расширение жанрово-тематического диапазона дагестанской литературы, значительный приток молодых авторов, зарождение отдельных жанров прозы, поэзии, формирование и становление драматургии, литературной критики, сплочение литературных сил республики, выразившееся в создании писательского союза, появление профессиональных литераторов, труд которых оплачивался, и т.д.

Несмотря на отдельные позитивные моменты, очевидно, что в русле утверждавшегося метода социалистического реализма как единственно верного, в контексте активизировавшихся вульгарно-социологических критериев в художественной литературе стали доминировать определенные схемы, клише, шаблоны, далеко не соответствовавшие реалиям действительности. «Философия долженствования сыграла роль прокрустова ложа в советской литературе, требуя от писателя соблюдения дозированных диспропорций между тем, что было в реальности, и тем, что должно в ней быть, тенденциозного соответствия нормативности, предписанности, вне-литературному расчету, начисто исключаящему свободную игру воображения» [5, с.77].

В литературном наследии периода строительства социализма, несомненно, есть произведения, пережившие свою эпоху, не утратившие художественного звучания и поныне. Речь в данном случае о том, что литература в основной своей массе создавалась в русле идеологием той эпохи, отвечала задачам социалистического строительства, к решению которых обязывала пришедшая к власти коммунистическая партия.

Одним из важных, идеологически значимых направлений словесности было воспроизведение действительности в рамках антиномии «прежде – теперь»: подвергалось резкой критике дореволюционное прошлое, на фоне которого восхвалялась советская новь. В частности, едкому обличению подвергались власть имущие, бии – князья, шамхалы, баи – богачи, состоятельные лица, а также служители духовенства: муллы, кадии, шейхи.

Если с определенными категориями лиц Советская власть покончила вдруг и сразу, например с крупными землевладельцами, промышленниками, лавочниками и др., отобрав их собственность, то в борьбе с религией и духовенством она поначалу проявляла гибкость. Следует отметить, что в борьбе за воспитание нового человека советская идеология через литературу подвергала обличению наряду с религией все дореволюционное: адаты, право частной собственности, интеллигенцию, знахарей, осуществ-

лявших лечение по народным и религиозным рецептам, и многое другое. Относительно религии осторожность и гибкость были продиктованы тем, что религия знаменовала собой духовные традиции, нравственные ценности, имевшие многовековую историю, отражающие в определенной мере менталитет народа, его самость.

Пришедшая в стране к власти партия большевиков, одним из пунктов программы которой была атеизация населения, объявила религию «опиумом народа». В 1922 г. была создана Антирелигиозная комиссия при Политбюро РКП (б), в том же году был принят декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. В 1924 г. был создан Союз безбожников СССР, форумы которого проводились и в Дагестане. Остроту борьба с религией приобрела во второй половине 1920-х годов, ориентировочно в 1927 г., когда активно создавались коллективные хозяйства. И это символично, т. к. и православная религия, и ислам стояли на страже частной собственности как абсолютного права индивида. По существу, во имя создания коллективных хозяйств частная собственность была объявлена вне закона. В 1929 г. было принято постановление Политбюро ВКП(б) «О религиозных объединениях», которым духовные учреждения объявлялись враждебными Советской власти. Этим же годом датируется Постановление ЦИК и СНК о замене арабской письменности на латиницу. Это решение также имело антирелигиозную составляющую, т. к. отсекалось богатое духовное наследие мусульманских народов России, созданное на арабском языке и аджаме. Репрессии священнослужителей носили массовый характер в 1929 г.

Проблематика в дагестанской литературе имеет свои особенности. Ввиду того, что борьба с религией была задачей государственной, а литературе вменялось в обязанность служение ей, то многие дагестанские писатели в той или иной мере откликнулись на призыв партии. В их числе Г. Цадаса, С. Стальский, Р. Нуоров, А. Иминагаев, С. Абдуллаев, Н. Ханмурзаев, Ю. Гереев, А. Баширов, А. Омаршаев, А. Фатахов, З. Гаджиеви др. На антирелигиозные темы было написано значительное количество поэтических произведений, рассказов, повестей, драм.

Обратимся к литературоведческим трудам и кумыкской литературе, с которой хорошо знакомы. Так, в «Истории дагестанской советской литературы» отмечается: «Антирелигиозная тема становится одной из самых актуальных в дагестанской литературе двадцатых годов. Ей уделяют исключительное внимание А. Иминагаев («Труд муллы», «Мулла и девушка»), А. Фатахов («Муллы плачут»), С. Абдуллаев («Просьба муллы»), Ю. Гереев («У хромого муллы безгрешная жизнь», «Каким образом лысый Гаджи попал в рай»), И. Курбаналиев («События одного дня») и др. Главным оружием антирелигиозной литературы становится сатира. Начало этому

жанру в советское время положил З. Гаджиев стихотворением «Мулла и глобус» [4, с. 68].

Распространенным художественным средством в поэзии стал прием саморазоблачения. В стихотворениях использовалась форма повествования от лица священнослужителя, который, восхваляя себя, по существу себя же и развенчивал. В качестве примера приведем стихотворение сатирика Н. Ханмурзаева «Разве трудно жить, если есть ум?» («Къыйынму гъакъыл болса яшама»), позднее названное «Шейх», в котором служитель религии восхваляет себя в связи с тем, что ему удастся обманом обирать народ, преумножать свое состояние:

Разве трудно жить. Если есть ум?

Ведь можно же с помощью религии проглотить весь мир [4, с. 85].

Значительным явлением дагестанской прозы в рассматриваемый период стали книги рассказов, новелл Ю. Гереева «Сапар ёлдаш» Молла Насрутдина» и «Сапар ёлдаш» и «Дуа мажмуа» Молла Насрутдина», изданные в конце 1920-х годов [2]. В своих произведениях Ю. Гереев приводит в качестве эпиграфов цитаты из книг известных дореволюционных религиозных деятелей Ш.-К. Байболатова «Сапар ёлдаш» («Спутник») и А. Акаева «Дуа мажмуа» («Сборник молитв»), однако сюжетами и еще более эффектными концовками их опровергает. Все это преподносится в сатирико-юмористическом ключе, с использованием формы повествования от лица сквозного персонажа восточной литературы Моллы Насрутдина, что определяло читабельность, действенность новелл писателя.

Особой силой воздействия обладали сценические постановки. В дагестанской драматургии, становление которой приходится на период социалистического строительства, религиозная тема являлась одной из ведущих: пьесы «Святая Муминат» О. Сарыджи и Р. Фатуева, «Мюриды» А. Батырмурзаева, «Жертва шариата», «Коварный кади» Т. Мурадова, «Разоблаченный шейх» Р. Нурова и др.

Проследив развитие религиозной темы, можно обнаружить смену ориентиров от конца 1920-х к 1930-м годам. Так, примерно к середине 30-х годов активизируется критика знахарей, осуществлявших лечение как народными средствами, так и с помощью различных молитв (*дуа*), талисманов. Это повесть А. Латипа «Лекарь Гаджи»/«Эмчи Гъажи». – Махачкала, 1934), пьеса Н. Ханмурзаева «Лекарь и повитуха»/«Эмчи ва энечи». – Махачкала, 1935) и др. Такое развитие литературной парадигмы можно объяснить тем, что активная фаза борьбы с духовенством уже, вероятно, была пройдена, в связи с чем обличению подвергались в большей мере не собственно служители религии, а лица, в той или иной мере к ней апеллировавшие, почитающие религиозные ценности.

Говоря об этапах развития религиозной темы, необходимо отметить, что она то активизировалась, выходила на авангардные позиции, то смягчалась. На наш взгляд, ее актуализация приходится на самый конец 1920-х годов. Тем не менее, и в последующем она не утратила своего значения, играла важную роль в творчестве ряда авторов и много позже. Кроме того, темой религии, пусть и опосредованно, были обусловлены и иные концепты. К примеру, в литературе велась острая борьба с частнособственническим укладом жизни. Дагестанские авторы подвергали острой критике лиц, цеплявшихся за частную собственность, не приемлющих коллективные формы труда. И в этом случае можно усмотреть критику религии писателем, ведь частная собственность по канонам ислама являлась одной из социальных основ, посягательство на которую строго каралось, объявлялось «харамом».

Литература первых десятилетий Советской власти вольно или невольно продолжала традиции дореволюционного периода, обращаясь к проблемам просвещения, образования, усиления роли в обществе женщин и др. Например, дореволюционные авторы (Н. Батырмурзаев, А. Акаев, М. Алибеков), ратуя за просвещение народа, отстаивали идеи женского просвещения, убеждая, что необходимо открывать мектебы для девочек. В советский период женский вопрос стал особенно актуален в литературе. Это было обусловлено не только продолжением литературных традиций, но и событиями политико-правового характера.

В вопросе эмансипации женщин Советская власть, можно сказать, шла впереди планеты всей, ведь в нашей стране впервые в Европе женщина была уравнена в правах с мужчинами, обрела право выбирать и быть избранной в органы власти. Естественно, процесс эмансипации привел к появлению в дагестанской литературе советского периода таких сюжетов, которые никогда не встречались у дореволюционных авторов. В дореволюционной литературе мы не встретим положительных образов эмансипированных женщин, потому что свобода непосредственно связывалась с отказом от духовных исламских норм и правил.

Женский образ в литературе 1920–1930-х годов – это прежде всего социальная личность: общественница, колхозница, человек, который отстаивает мнение свое и коллектива с сильными мира сего, который сражается с оружием в руках с врагом на поле брани. Существенно меняются и функции женщины в семье: муж уже не является авторитетом, жена может не только перечить мужу, но и вынудить его вступить в колхоз, адочери могут выйти замуж вопреки воле родителей, в т. ч. отца, и т.д. (конкретно такого рода примеры рассмотрены в наших исследованиях «Проза кумыков в художественно-стилевом освещении (1920–1940-е гг.)», «Национальная литература кумыков 1920–1930-х годов»). Вполне логично усмотреть в такого рода литературных образцах антирелигиозное содержание (хоть и вы-

раженное не напрямую), т. к. подобные трактовки женских образов не соответствуют исламским понятиям.

Вместо продолжения тем и мотивов дореволюционной классики литература первых советских десятилетий с ней остро дискутировала. В частности, повесть К. Абакарова «Жертва невежества» [1] рассматривается дагестанскими исследователями в качестве продолжения традиций одного из основоположников дагестанской художественной прозы Нухая Батырмурзаева, который своими повестями «Бедная Хабийбат» («Язык Гъабийбат»), «Давут и Лайля» («Давут булан Лайля»), «Гарун и Зубайдат, или Несчастливая Джанбийке» («Гъарун булан Зубайдат, яда Насипсиз Джанбийке») отстаивал идеи женского образования.

Аналогичной идеей руководствуется и К. Абакаров, в произведении которого прослеживается перекличка тем, образов и конфликтов. Переклички обнаруживаются как в названиях произведений, так и в сюжетах. По мнению Н. Батырмурзаева, у девушек, не получивших образования, не складывается и личная жизнь. Такая мысль встречается и в повести К. Абакарова. Айшат, героиня повести К. Абакарова, стремилась к знаниям, но запрет отца помешал осуществиться ее надеждам. Вдумчивое прочтение «Жертвы невежества» дает основание говорить о том, что К. Абакаров, продолжая в определенной мере традиции Н. Батырмурзаева, в то же время дискутирует с ним, оспаривая отдельные положения его произведений.

Так, повести Н. Батырмурзаева строятся изначально на противопоставлении отношения отцов разных семей к вопросу обучения своих дочерей: одни выступали «за», другие – «против». В повести К. Абакарова конфликт на этой почве имеет внутрисемейный характер: мать главной героини Айшат стремится отстоять право своей дочери на образование в споре со своим мужем. Кроме того, у Н. Батырмурзаева речь шла о раздельном обучении мальчиков и девочек, при этом мальчиков обучали мужчины, девочек – женщины. В повести К. Абакарова мальчики и девочки обучаются вместе, при этом преподавателем является представитель женского пола (Джаминат). Одним из лучших ее учеников является Джамалутдин, который часто бывает у нее дома и порой засиживается допоздна.

В произведениях и Н. Батырмурзаева и К. Абакарова уделяется внимание и вопросам взаимоотношений между молодыми людьми. Нельзя при этом не заметить, что если персонажи Н. Батырмурзаева, тем более женские, стремились скрывать свои интимные чувства от окружающих, то герои А. Абакарова их не то что не скрывают, а отстаивают. Эти и многие другие детали, обнаруживающиеся в повести советского периода, были недопустимы, невозможны в творчестве классика дореволюционной литературы как противоречащие народной и исламской морали.

Символично в этой связи и то, что если, например, в повести Н. Батырмурзаева («Несчастливая Джанбийке») на *дж*... начинаются имена отрицательных персонажей (Джанбийке, Джамав, Джумакай), то у К. Абакарова таковыми оказываются персонажи положительные (Джаминат, Джама-лутдин, Джавгарат).

Вступает в дискуссию с Н. Батырмурзаевым и другой автор. В рассматриваемом нами ракурсе показательна повесть М. Хангишиева «Гюндешлер» (условно – «Соперницы», так у кумыков называют жен одного мужа), увидевшая свет в конце 1930-х годов, в книжном формате опубликованная в 1940-е годы. Н. Батырмурзаев в соответствии с исламскими канонами освящает благополучную семейную жизнь Давута одновременно с двумя женами (повесть «Давут и Лайля»). А М. Хангишиев своей повестью «Гюндешлер» убеждает в том, что жены одного мужа не могут быть счастливы.

Помимо неявных дискуссий с дореволюционной словесностью наблюдаются и явные, озвученные напрямую. Наглядным примером служат рассказы, новеллы Ю. Гереева, вошедшие в книги «Сапар ёлдаш» Молла Насрутдина», «Сапар ёлдаш» и «Дуа мажмуа» Молла Насрутдина». Мишенью комического осмеяния в них являются приводимые в качестве эпиграфов сентенции из книг «Сапар ёлдаш» («Спутник») и «Дуа мажмуа» («Сборник молитв»), принадлежащих перу известных религиозных, общественных деятелей Шихаммат-кади Байболатова и Абу-Суфьяна Акаева. Книги эти имели в дореволюционный период огромную популярность, переиздавались, имели тиражи даже по нынешним меркам весьма солидные – более тысячи экземпляров. В этих книгах приводились рекомендации, которыми следует руководствоваться как в повседневной жизни, так и в служении Всевышнему (пути обретения рая, очищения от грехов, обретения любви, достижения успехов в торговле, домашнем хозяйстве и т.д.). Ю. Гереев, будучи мастером комического воспроизведения действительности, считал возможным обыграть отдельные сентенции из этих книг, подвергнуть их осмеянию, придав им антирелигиозный оттенок.

Одним из видов антирелигиозной пропаганды была дискредитация авторитетных духовных лидеров, мыслителей, литераторов. Приведенные примеры подтверждают, что литература периода социалистического строительства была достаточно фронтальной, многоаспектной.

Относительно четкого определения произведений на религиозную тему, составляющих значительный пласт дагестанской литературы 1920–1930-х гг., в исследовательской литературе ситуация неоднозначна. Возникает вопрос: правомерно ли ее определять антирелигиозной, ведь прямых выступлений против религии в них сложно усмотреть, даже если они есть, то единичны. Так, служители культа обличаются в большей мере не за свою религиозную деятельность, а за стремление преумножить свое со-